

лись в плен, либо уходили в горы Северного Кавказа и на Черноморское побережье.

Что же касается Первой Конной армии, то при дальнейшем преследовании противника она имела еще несколько столкновений с остатками белой конницы. Так, например, 20 марта 4-я дивизия на подступах к Майкопу захватила 4 орудия, 30 пулеметов, уничтожила более 300 всадников.

6-я дивизия при наступлении на Белореченскую 21 марта разгромила конный отряд, захватив более 1000 пленных, 13 легких орудий, 40 пулеметов, 3 миллиона снарядов, 5 миллионов патронов и много другого имущества.

Таким образом, с 15 февраля по 3 марта 1920 года Первая Конная армия провела шесть крупных боев: четыре наступательных, один оборонительный и один встречный. Они явились суровым экзаменом для военачальников и командиров Красной Армии, серьезной проверкой волевых качеств и боевой закалки наших войск.

РАЗВЕДЧИКИ ПЕРВОЙ КОННОЙ

1

В первой половине декабря 1919 года Первая Конная армия С. М. Буденного, преследуя отступавшего противника, энергично продвигалась на юг. Общеармейские дивизии, действовавшие слева и справа от нас, не поспевали за конницей. Даже приданные нам 9-я и 12-я стрелковые дивизии, обычно передвигавшиеся на конном транспорте местного населения, отставали от буденновцев. Как правило, наши кавалерийские части атаковали неприятеля первыми. Пехота обычно подходила позже и, вступая в бой в качестве второго эшелона, часто очень эффективно поддерживала конников.

Считая армию Буденного решающей силой Южного фронта, белогвардейское командование не раз предпринимало попытки разгромить ее. Впервые осуществить свой замысел неприятель решил на линии железнодорожных станций Сватово (между Купянском и Старобельском) — Рубежная (четырнадцать километров севернее Лисичанска), где сосредоточились крупные силы конницы генерала Улагая, поддерживаемые четырьмя бронепоездами и несколькими полками пехоты.

Однако попытка эта не увенчалась успехом. Первая Конная нанесла значительный урон вражеской группировке. Особенно сильные бои шли в районе станций Сватово, а затем Меловатка и Кабанье. 20 и 21 декабря белым было нанесено решающее поражение. Бросая орудия, пулеметы, обозы, они в панике бежали на юг и к исходу 24 декабря тремя крупными группами, под прикрытием оставшихся трех бронепоездов, откатились к станции Рубежная, которую к тому времени успела занять 2-я бригада

да 6-й кавалерийской дивизии нашей армии. Это было совершенно неожиданно для улагаевцев.

Как это произошло? В то время, когда главные силы буденновцев дрались с врагом в районе станции Сватово, 2-я бригада И. Р. Апанасенко, в которой я был начальником разведки, 20 декабря получила задание выйти в тыл к белым и захватить станцию Рубежная. Двигаясь с севера на юг, мы прошли через село Мостки на Новую Астрахань, сделали там четырехчасовой привал, а утром 21 декабря выступили на Рубежную.

За нами следовала и 1-я бригада 6-й кавалерийской дивизии. В начале второй половины дня мы стремительным налетом захватили станцию. Находившиеся там небольшие подразделения белых частью были уничтожены, частью разбежались и скрылись в лесу, прилегающем к станции с западной стороны. В это время 1-я бригада без боя заняла села Епифановку и Боровеньки, что северо-восточнее Рубежной.

Выход в тыл врага и захват станции, через которую проходила единственная железнодорожная магистраль, обязывали бригаду ко многому. Нам было известно, что здесь действуют бронепоезда белых. Комбриг И. Р. Апанасенко приказал командирам полков и мне разрушить или разорвать железнодорожное полотно.

Не имея специального инструмента и взрывчатки, бойцы кое-как сняли два бруска рельсов. И тут к станции с севера на большой скорости подошли три бронепоезда белых. Четвертый, будучи поврежденным, был захвачен частями 4-й кавалерийской дивизии на станции Сватово. Противник открыл по нашей бригаде ураганный артиллерийско-пулеметный огонь. Конники вынуждены были укрыться в прилегающих к станции складках местности и за пристанционными постройками.

Команда головного бронепоезда начала быстро восстанавливать полотно железной дороги. Мы надеялись, что наша артиллерийская батарея, которой командовал отважный командир А. М. Наливайко, воспрепятствует этому. Но она почему-то молчала. Повеяло мы узнали, что батарея, застигнутая бронепоездами врасплох, не могла под их шквальным огнем стать на удобную огневую позицию. Да и вряд ли в сложившихся условиях она смогла бы успешно бороться одновременно против трех бронепоездов: каждый из них имел по четыре 76-миллиметровых

орудия и по двенадцать станковых пулеметов системы «Максим». К тому же незначительная дистанция стрельбы была более выгодна для противника. Он мог обрушить на нашу батарею еще и огонь половины своих пулеметов.

Примерно через полчаса бронепоезда восстановили полотно железной дороги и безнаказанно ушли на станцию Неветевич: мы не имели никаких средств борьбы с ними.

Минут через тридцать после ухода бронепоездов Апанасенко получил первое боевое донесение. Подскочивший на галопе разведчик доложил:

— Товарищ комбриг! Вдоль железной дороги к станции движется очень большая колонна конницы.

Апанасенко приказал командиру 33-го полка М. Ф. Убогому:

— Посадите полк на копей!

Полетела команда:

— Эскадроны, по косям! Садись!

Тревожное ожидание противника длилось недолго. Вскорена на северо-западе показалась двухтысячная белоказачья кубанская конница. Сплошные черные бурки, шапки-кубанки и развевающиеся бапшлыки.

Апанасенко выхватил наган и, указывая им в сторону противника, до которого оставалось немногим более километра, отдал командиру 33-го полка приказ:

— Атаковать!

В руке М. Ф. Убогого сверкнул клинок.

— Полк, шапки к бою! За мной в атаку, рысью — марш! — зазвенел повелительный голос.

Обнажив клинки, эскадроны во взводных колоннах широкой рысью двинулись вслед за своим командиром. Загремело «ура». Под копытами коней взметнулась снежная пыль.

У буденновцев было сильно развито чувство взаимовыручки. Видимо, оно мне и подсказало мысль помочь атакующим. Я обратился к командиру бригады:

— Разрешите помочь тридцать третьему полку.

Апанасенко коротко ответил:

— Действуйте!

Я оставил начальнику штаба в резерве сабельный и пулеметный взводы, с остальными силами бригадной разведки пошел в атаку левее эскадронов полка.

Хотя противник численно превосходил нас, мы имели моральное и тактическое преимущество. Дело в том, что

белые были уже основательно потрепаны главными силами Первой Конной армии, появление в их тылу новых частей Красной Армии действовало на них панически. Голова казачьей колонны повернула в лес, прилегающий к станции. Однако центр и хвост вражеской конницы попали под сильный фланговый удар атакующих. Затем началось фронтальное преследование белоказаков.

Бой разгорался в лесу. В спешке конных масс отступающим было очень трудно вести активное сопротивление, тем более, что они не имели ни пушек, ни пулеметов. 33-й полк и бригадная разведка беспощадно били, рубили врага.

Беспокоясь о том, что разведчики могут срочно понадобиться командиру бригады, я вывел из боя половину состава своей команды и, возвратившись на станцию, доложил Апанасенко обстановку. Исход схватки не вызывал у него сомнений: враг отступает, преследуемый нашей конницей.

Сразу же после моего доклада дозорный сообщил командиру бригады, что в нашем направлении движется вторая конная колонна, равная по численности первой. Апанасенко тотчас же отдал приказ командиру 34-го полка подготовиться к атаке. 5-й его эскадрон оставался в резерве комбрига.

Вскоре показались конники, одетые в шинели. Это могли быть и наши бойцы. Апанасенко забеспокоился: с дальнего расстояния трудно определить, свои идут или чужие.

На вопрос комбрига раньше всех реагировал начальник штаба бригады Б. А. Погребов. Это был образцовый штабной командир. Требовательный, тактичный в обращении, всегда аккуратно одетый и подтянутый, он восхищал сослуживцев своим бесстрашием и отвагой в бою.

— Вышлите дополнительный боевой разъезд, — приказал он мне, — и уточните, чья это конница.

Разъезды стояли около нас наготове. Я выслал вперед группу конников во главе с опытным разведчиком — командиром взвода Платоновым.

Вглядываясь в колонну, всею бригады И. А. Шляев первым прервал молчание:

— Нет, не наши. Это белые донцы!

Иваку Андреевичу Шляеву было в ту пору двадцать три года. В старой армии он служил унтер-офицером.

В 1917 году вступил в партию большевиков. Хорошо зная политработу, Шляев пользовался заслуженным авторитетом среди отважных буденновцев, был внимателен и справедлив и во многом дополнял комбрига. В мае 1920 года за образцовую деятельность на посту комиссара бригады, а также мужество и отвагу, проявленные в боях, он был награжден орденом Красного Знамени.

— Это белые донцы, — повторил Иван Андреевич.

— Безусловно белые, — одновременно сказали несколько человек.

— Наши шли бы с разведкой впереди, искали бы противника, чтобы добить его. А эти идут без разведки, не ищут нас. Значит, удирают, — решительно высказал свое мнение обычно сдержанный в суждениях командир 34-го кавалерийского полка И. В. Селиванов.

— Верно, — подтвердил Апанасенко.

Тут же наблюдатель доложил, что Платонов, посланный мною, подал сигнал: перед ним противник! То же повторил и начальник ранее находившегося там боевого разъезда. Комбриг снова направил револьвер в сторону конницы врага и произнес:

— Командир 34-го полка, атаковать!

Иван Васильевич Селиванов обнажил пашку и помчался к своим эскадронам.

— Полк, в атаку за мною, рысью — марш! — загремел его мощный голос.

У Селиванова было человек восемьсот, у противника — в два-три раза больше. Чтобы в случае контратаки белых помочь Ивану Васильевичу, этому отважному командиру и прекрасной души человеку, я подозвал к себе Михаила Макаручука, возглавлявшего пулеметный взвод разведки.

Однако помощь не потребовалась. Когда конники 34-го полка в полукилометре от белых перешли в галоп, те, даже не обнажив клинков, повернули в лес.

Получилась довольно сложная ситуация: 33-й полк и часть разведчиков преследовали первую группу белоказаков, вторую гнал Селиванов. Может случиться так, что вторая колонна белых неожиданно ударит в тыл конникам М. Ф. Убогого. На мой взгляд, надо было подпустить вторую колонну противника поближе и открыть по ней сосредоточенный артиллерийский и пулеметный огонь. Бригада имела четыре трехдюймовые пушки и тридцать четыре станковых пулемета на тачанках.

Видимо, это понимал и Апанасенко, но теперь, когда принято решение и Селиванов преследует белоказаков, положение исправить уже невозможно.

Начинало вечереть. Видимость ухудшалась. Из леса доносились стрельба и шум рукопашного боя. Теперь исход его решали мелкие подразделения и отдельные самостоятельные действующие отважные бойцы. Управлять полками с помощью сигналов или голоса Апанасенко и его штаб не могли. Оставалось надеяться на лучший исход: отступая в панике, белые не окажут организованного сопротивления.

Все мы беспокоились не только за судьбу 33-го полка, но и за резервы бригады. В случае появления новых войск противника в направлении станции Рубежная один сабельный эскадрон и часть сил бригадной разведки не смогут оказать решительного противодействия...

Тягостная неизвестность длилась около получаса. Апанасенко очень часто и внимательно смотрел на тот бугорок, где находился со своим боевым разъездом командир взвода Аким Владимирович Платонов. Я знал, что этот отважный разведчик не подведет.

Вскоре на КП бригады прибыл боец от Платонова и доложил:

— Товарищ комбриг, в двух верстах от разъезда вдоль железной дороги идет в нашем направлении большая колонна конницы. Видны сплошные бурки. Платонов считает, что это белоказаки-кубанцы.

И в самом деле, на фоне уже серевшего небосвода появилась колонна. В ней было, по определению на глаз, не менее трех тысяч всадников. А у нас всего-навсего двести сабель. Я посмотрел на комбрига. Апанасенко сурово нахмурился: положение было очень серьезным.

Иосифа Родионовича Апанасенко я знал хорошо. Впервые мы встретились в сентябре 1918 года на съезде командиров краснопартизанских отрядов на хуторе Степаненко Ставропольской губернии. Там происходила реорганизация партизанских отрядов в регулярные части Красной Армии. Апанасенко был горячим сторонником этой реорганизации. Вскоре его назначили командиром стрелковой бригады 2-й Ставропольской рабоче-крестьянской советской дивизии. Как военный человек, И. Р. Апанасенко заметно проявил себя еще в период империалистической

войны, получил за боевые подвиги все награды нижних чинов русской армии и чин прапорщика.

Обладал большим боевым опытом и природным дарованием, он скоро обратил на себя внимание и в Ставрополе. Отважными боевыми действиями против белогвардейцев он выдвинулся в ряды выдающихся командиров. В феврале 1919 года Апанасенко назначается начальником 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии и командует ею, с небольшим перерывом, до декабря 1919 года. На Польском фронте он также был во главе этой дивизии, переименованной в 6-ю кавалерийскую. Я работал начальником штаба у него. Мы хорошо понимали друг друга. Мне часто приходилось бывать с ним в боях. В самых сложных условиях фронтовой обстановки Иосиф Родионович никогда не терялся, не падал духом. Он обладал большой энергией и силой воли, находчивостью и решительностью, которые ярко проявлялись во всех его действиях.

По службе Апанасенко был очень требовательным, любил дисциплину и порядок во всем. Бойцы и командиры очень уважали его, знали, что он сумеет найти выход из самой трудной ситуации.

В мирные годы Иосиф Родионович Апанасенко командовал корпусом, округом, Дальневосточным фронтом. Во время Отечественной войны он был генералом армии, заместителем командующего Воронежским фронтом. В 1943 году И. Р. Апанасенко попал под бомбежку немецко-фашистской авиации и погиб. Страна увековечила добрую память об этом отважном солдате революции, верном сыне своем, видном военном деятеле, установив ему памятники в городах Белгороде и Ставрополе.

Но вернемся к событиям у станции Рубежная. Увидев третью колонну белых, комбриг посуровел и повелительным голосом сказал начальнику штаба:

— Начальникам пулеметных команд быть готовыми к открытию огня!

Командиру батареи он приказал подготовиться к стрельбе картечью. «Значит, сабельной атаки не будет, — подумал я. — Слишком не равны силы».

Каково же было удивление всех, кто стоял рядом с Апанасенко, когда он позвал командира 5-го эскадрона Бессарабова и приказал:

— Вот противник. Атакуйте его!

Бессарабов без промедления выхватил пашку из ножен и начал проворно размахивать ею:

— Развернись! Развернись в лаву!

И мы увидели редкую картину: эскадрон одновременно с движением вперед на врага расчленился в развернутый боевой порядок — в лаву.

Решение командира бригады казалось слишком рискованным; белоказаки могли без труда смять конников Бессарабова и овладеть станцией Рубежная. Мы смотрим на поле боя и своим глазам не верим: противник, немного постояв на месте, круто повернул вправо и на широкой рыси стал уходить в открытую степь.

— Сволочи, учуяли, — с каким-то разочарованием произнес Апанасенко и вытер платком лоб.

Я обратился к нему:

— Товарищ комбриг, разрешите мне с разведкой помочь Бессарабову?

Но он не разрешил рисковать своим последним резервом.

Преследуя белогвардейцев, Бессарабов скрылся из виду. Вечерние сумерки опустились на заснеженную степь.

На что же надеялся Апанасенко, принимая такое опрометчивое, на первый взгляд, решение? Он полагал, что белые устремятся на наших конников и нарвутся на губительный артиллерийско-пулеметный огонь. Тем временем эскадрон Бессарабова успеет уйти из-под удара неприятеля, кони которого были утомлены большим переходом.

Однако белоказаки не пошли в атаку: либо побоялись, что в засаде находятся значительные силы буденновцев, либо были настолько утомлены и морально надломлены предыдущими неудачами, что всякая встреча с красной конницей вызывала у них панический страх.

Так или иначе, но противник потерял в этом бою не более сотни всадников. И если комбриг остался недоволен тем, что его замысел не осуществился, то в эскадроне Бессарабова боевой дух значительно поднялся: бойцы одержали победу над врагом, который во много раз превосходил их по численности.

А что же тем временем происходило в лесу, который полосой до двух-трех километров в ширину тянулся между железной дорогой и рекой Северный Донец на шесть

километров? Об этом мне рассказали разведчики, преследовавшие первую группу белоказаков и возвратившиеся вечером на станцию Рубежная.

Уничтожая врага, отважно сражались не только подразделения буденновцев, рассыпавшиеся для удобства действий на мелкие группы, но и отдельные бойцы. Особенно отличился разведчик Василий Игнатович Бурьянов, которого я знал уже давно.

Родился Бурьянов в 1897 году в семье крестьянина-бедняка села Рагули Ставропольской губернии. В старой русской армии он служил в 17-м драгунском полку рядовым. В красную конницу вступил добровольцем летом 1918 года. С этого времени сражался против белогвардейцев в составе 3-го кавалерийского полка 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии, который затем был переименован в 33-й кавполк в составе 6-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии.

Я часто посылал этого смелого и храброго разведчика в дозор.

Вспоминается такой случай. Незадолго перед этим из села Петровское бригадная разведка вышла на Анохино, что в одиом переходе к северо-востоку от города Купянска. Было морозное декабрьское утро. Заснеженные поля просматривались километров на пять вдаль. В голове разведки, на удалении около двух километров, двигался сабельный взвод, а справа и слева шли боковые дозоры каждый из двух человек.

Противник после неудачного для него боя за ночь оторвался от нас, и теперь мы не знали, где и когда наша команда встретит его. Солнце уже перевалило за полдень, а мы все шли и шли, не встретив ни одного белоказачьего разъезда. Наконец начальник разведки 33-го полка Степан Тараканов доложил мне, что правый боковой дозор подал сигнал и отклонился вправо от своего маршрута, чтобы проверить подозрительный объект. Старшим дозора был Бурьянов, его помощником — молодой разведчик Пивоваров.

«Бурьянов — опытный боец, напрасно отклоняться в сторону не станет», — подумал я. Спустя час Тараканов доложил мне, что дозорные возвратились, каждый из них привел с собой по две верховые лошади с седлами и захваченным оружием шести убитых белоказаков. Я приказал прислать их обоих в голову команды. И вот раз-

ведчики едут рядом со мною. Бурьянов начал рассказывать.

— Павел, — указал он на Пивоварова, — первым увидел на бутре, недалеко от скирды соломы, двух спешенных казаков. До них было побольше версты. Мы предупредили своих — сделали два круга шашкой над головой — и рысью поехали в сторону казаков, помажав им шапками: «свои», мол.

— Ты скажи, Василий, предупреждал я тебя о том, что надо захватить «языка», или нет? — перебил его Пивоваров.

— А как же, — подтвердил Бурьянов, — говорил. Но я подумал, что это очень рискованно: за скирдой могли быть и другие беляки. Правильно я поступил? Факт! Едем дальше. До скирды — рукой подать. Чтобы не спугнуть беляков, начали вертеть самокрутки, хоть Павел вовсе не курит.

— Усыпляли бдительность паразитов, — засмеялся Пивоваров.

— Ну и как, усыпили? — спросил я разведчиков.

— На сто шагов подпустили нас, — продолжал Бурьянов, — а потом спохватились, кинулись к лошадям. Но было поздно. Мы взяли в карьер, шашки вон и — раз-раз! Потом заглянули за скирду. Там поднялась суматоха. Четверых мы уложили на месте, а троим удалось удрать в Купянск, — закончил Бурьянов.

— Трофеи мы привезли, вы их видели, — добавил Пивоваров.

— Значит, не удалось привести «языка»? — спросил я разведчиков.

— Виноват! — как старший дозора, ответил Василий Бурьянов. — Увлёклись...

Вот этот случай я и вспомнил, слушая рассказ Василия Бурьянова о том, что с ним приключилось в лесу под Рубежной. А произошло вот что.

Белоказак, выбитый одним из конников 33-го полка из седла, выстрелил в Бурьянова, но промахнулся и попал в его коня. Василий, раздосадованный потерей своего боевого друга, отомстил белоказаку. Это был уже четвертый улагаец, уничтоженный Бурьяновым в этом бою.

Полковые конники и разведчики в спешке преследования противника не заметили беды Василия. Он остался один. Услышав приближение новой волны конницы — это

была вторая колонна врага, отступившая в лес под натиском 34-го полка, — Бурьянов снял с убитого казака погоны, шашку, бурку и синий башлык: возможно, пригодятся.

И пригодились. Увидев генерала во главе отступающих улагаевцев, Бурьянов преобразился в «белого» казака и, взяв под козырек, сказал ему: «Ваше превосходительство! Брат ранен, надо спасти...»

Генерал что-то буркнул, махнул рукой и, не сбавляя аллюра, помчался дальше вместе со своей свитой и остальными приспешниками. Никому не было дела до бедного «казака», пытавшегося «спасти брата». Каждый из них думал только о себе.

Когда вражеская колонна поредела и осталась лишь жидкая завеса, прикрывавшая ее, Василий заметил офицера. «Ваше благородие! Брат ранен, надо его спасти», — снова применил он свою хитрость. Когда офицер замедлил ход, Бурьянов сразил его выстрелом из нагана. Забрав оружие и сумку с картой и документами, Василий вскочил на офицерского коня, сбросил погоны и кокарду и с подоспевшими бойцами 34-го полка ринулся в погоню за бельми. Во время преследования Бурьянов уничтожил еще пять белоказаков.

Отчаянно рубился в лесу и командир взвода 33-го кавалерийского полка Алексей Коломейцев, бывший унтер-офицер. Белогвардейцы беспощадно истребили всю его семью, всех родственников, и теперь он люто мстил врагу в каждом бою.

— Двоих сокрушил слева, двоих — справа, — рассказывал Алексей, одинаково умело действовавший шашкой обеими руками. — Смотрю, впереди хрупкий казачишка. Ну, думаю, этого рассеку надвое. И только занес над ним клинок, как увидел огромные синие глаза девушки. И рука моя задрожала, черт возьми... Жаль стало. Я погрозил ей кулаком, крикнул, чтобы она не смела дальше ехать, а сам помчался со своими бойцами за казачней, бежавшей к станции Несветевич.

На этом не кончилась любопытная история с девушкой. Пленница оказалась медсестрой. На допросе она сказала, что является дочерью мелкого служащего, к белым попала по ошибке.

— Можно мне у вас остаться? — спросила Варя, так ее звали. — Буду честно служить Советской власти и

Красной Армии, стану перевязывать раны бойцам и командирам, помогать вам всем, чем могу.

Ее зачислили в 33-й полк медсестрой. Справившись с пережитым волнением, она попросила показать ей человека, который оставил ее в живых. Увидев Алексея Коломейцева, рослого, статного буденновца, она смущенно опустила ресницы и признательно поблагодарила его.

До конца войны Варя служила в этом полку. Много раз участвовала в боях. Усердно оказывала медицинскую помощь бойцам и начсоставу. Она убедилась, что у этих бесстрашных и честных людей, ставших ее новыми боевыми соратниками, большое человеческое сердце.

Во время огорлыкского боя ее увидел комиссар полка Шахлин и спросил:

— Как дела, Варя? Не обижают ли в третьем эскадроне?

Варя с гордостью ответила:

— Что вы, что вы, товарищ комиссар! Там такие ребята прекрасные! Очень внимательны ко мне. Во всем помогают: коня накормят и напоют, расседлают и оседлают, квартиру удобную подыщут и накормят меня. С ними очень легко. Не было ни одного случая бестактного отношения ко мне. Я искренне полюбила их. Спасибо вам, товарищ комиссар, что зачислили меня в этот эскадрон.

— А как к вам относится ваш спаситель? — спросил комиссар, зная крутой нрав Коломейцева, ставшего теперь командиром 3-го эскадрона.

Варя сразу смутилась:

— Алексей Антонович? Давайте, товарищ комиссар, об этом как-нибудь потом. А теперь разрешите мне ехать. Наш эскадрон подготовился идти в атаку.

На этом разговор Вари с комиссаром был прерван. Шахлин видел, как медсестра вместе с эскадроном, ведущим первым эшелоном, помчалась в атаку, зажав в руке маленький пистолет.

Забегая вперед, скажу, что Варя полюбила Алексея и сердце лихого буденновца ответило девушке взаимностью. После гражданской войны они поженились и уехали на родину Алексея Коломейцева — в село Благодатное, Ставропольской губернии.

Но вернемся к результатам боя у Рубежной. Три бронепоезда, прорвавшиеся к станции Несветевич, успели пройти по мосту через Северный Донец в город Лиси-

чанск. Иных целей они, видимо, и не преследовали. 1-я бригада 6-й кавалерийской дивизии захватила станцию Несветевич уже после того, как вражеские бронепоезда вырвались на юг.

5-й эскадрон, преследовавший третью колонну белоказов в степи, с наступлением темноты вынужден был прекратить погоню. Противник потерял, как я уже говорил, до ста человек, а наши конники возвратились без потерь.

33-й и 34-й полки гнали белогвардейцев по лесу около пяти километров и, уничтожив до четырехсот человек, в том числе трех полковников и генерал-майора Чеснокова, возвратились на станцию другим маршрутом — полем. У них было убито два человека и пять ранено.

Потрепанный и морально надломленный противник отошел, не вступив с нами в активный бой. Иосиф Родионович Апанасенко построил бригаду в каре и выступил перед бойцами и командирами с краткой зажигательной речью. Он сказал:

— Сыны революции! Сегодня вы одержали блестящую победу над врагом, превосходившим вас по численности во много раз. Враг понес крупные потери. От имени социалистической революции поздравляю вас с этой большой победой! Будем и впредь так же бить и окончательно добывать белогвардейщину — оплот контрреволюции.

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует наш вождь товарищ Ленин!

Да здравствует мировая революция!

Зимнюю ночь огласило могучее троекратное «ура».

Бригада во главе с разведкой пошла на ночной отдых в ближайшее крупное село Варваровку.

2

В самом начале января 1920 года комбриг И. Р. Апанасенко вел своих конников по донбасской земле, освобождая от белогвардейцев города, станицы и села. Обретенная свобода была самым лучшим новогодним подарком трудящимся, пострадавшим в белой неволе. И буденновцы, утомленные непрерывными походами и подчас голодные, были горды тем, что на своих клинках они несут народу долгожданное освобождение, вновь повсеместно восстанавливают Советскую власть.

Разведчики моей команды всегда шли впереди боевых полков, нередко сталкивались с неприятелем и отважно вступали с ним в неравные бои. Разведчиков всегда ожидала неизвестность, но это были храбрые люди, они никогда не сетовали на трудности.

2 января, часа за два до наступления темноты, мы пришли в село Степановку, что в двадцати пяти километрах юго-восточнее станции Чистяково. Выполнив задачу, поставленную командиром бригады, мы решили заночевать в этом селе.

На улице, где остановилась команда разведчиков, стали появляться местные жители, в большинстве своем шахтеры. Я поздоровался с ними и спросил:

— Давно ли здесь были белые и куда они ушли?

— Часа полтора назад ушли отсюда по дороге в село Калиновка. Верст десять до него, не больше, — услышалось в ответ.

Я достал карту. Это была единственная дорога, и свернуть с нее белогвардейцы не могли: некуда.

— А велик ли неприятель числом?

Мне сказали, что в Калиновку ушел обоз подвод на сто в сопровождении роты пехотинцев.

— Вы — конные, можете быстро догнать их и отнять обоз, — сказал один из шахтеров.

— Мы можем поехать с вами, подсобить, — поддержал его другой горняк.

— Правильно!

— Действуйте, товарищ командир.

Люди, видимо, очень хотели, чтобы буденновцы, о которых они много слышали, в их присутствии показали свою решительность, боевую удачу. Это имело, разумеется, большое значение: в случае нашего успеха стоустая молва, опережая нас, полетит от села к селу, от города к городу: вот они какие, красные конники!

Мы целый день были в пути. Люди и кони порядком устали. А тут еще предстоит двадцатикилометровый бросок в оба конца и бой с охраной обоза. Поразмыслив, я решил выделить в поход на Калиновку сорок всадников, чтобы дать возможность остальным силам разведки хорошо отдохнуть.

— Сейчас будем догонять белых, — сказал я шахтерам.

— Хорошее дело!

— Мы так и думали, — одобрительно загудели степановцы.

Но когда они увидели, что ко мне подъехали всего лишь четыре десятка всадников — по двадцать от каждой полковой команды, на лицах шахтеров появилось удивление и даже разочарование: справятся ли буденновцы с врагом?

В погоню мы пошли на большой скорости, рассчитывая закончить задуманное дело до наступления темноты. Никто из нас не знал здешних мест. Руководствовались картой и визуальным обзором местности. В пути я обдумывал возможные варианты действий обозников и их охраны во время нашего нападения. Драться с белыми — значит терять своих людей в бою: каждая хата, сарай или забор — опора для них, а для нас — серьезное препятствие. В общем, я решил избежать столкновения, попытаться взять противника в плен без боя.

Рядом со мной ехали два командира взвода: Аким Платонов, уроженец Астраханской области, и Ефим Михайлов — мой земляк, ставрополец. Это были расчетливые и отважные командиры. На ходу я информировал их о предстоящей задаче, о составе обоза белых, силе его охраны, а также о плане наших действий.

— Если белые окажут огневое сопротивление, то нам будет трудно выполнить задачу: они превосходят нас по численности в пять — семь раз, — закончил я.

Командиры взводов согласились со мной, что драться будет трудно, но ни один из них не выразил сомнения или неуверенности в нашем успехе. Однако я в душе все-таки волновался: четкого плана действий у нас еще не было.

Через час мы выехали на бугор, находившийся в километре от Калиновки. Остановившись, присмотрелись. В селе не было видно ни одной подводы. По дорогам, ведущим от Калиновки на юг, юго-восток и юго-запад, никакого движения не наблюдалось. Куда же мог уйти вражеский обоз?

— За минувшие два с половиной часа беляки не ушли далеко, — сказал Аким Платонов.

— Может, подводы стоят у построек и их отсюда не видно? — предположил Ефим Михайлов.

И тот и другой были, конечно, правы.

Теперь у меня созрело окончательное решение: создать видимость окружения противника.

— Будем действовать так, друзья, — сказал я командирам взводов. — Платонов с двенадцатью разведчиками пойдет на западную окраину села и станет там маневрировать: пусть белые думают, что у него крупные силы.

— Понял, — коротко ответил Аким.

— Остальные двадцать восемь человек входят в Калиновку с противоположной стороны. Не открывая стрельбы, мы проскачем по селу, предлагая белым сдаваться без боя. Наши союзники — внезапность и маневренность. Ясно?

— Так точно! — ответили командиры взводов.

Рассказав всем бойцам о принятом решении, мы приступили к его осуществлению. Выход обеих наших групп на окраины Калиновки удался успешно. Никакой охраны на подходе и на окраинах села у белых не оказалось. И с их стороны не последовало ни одного выстрела.

Оставив Михайлова с разведчиками у мельницы и приказав ему непрерывно маневрировать, я пришпорил коня и помчался вдоль улицы в сторону, где находилась группа Платонова. Справа у построек стояли сани, бричка и охранявшие их солдаты.

— Вы окружены полком конницы Буденного! Сдавайтесь, трогать не будем! — громко объявлял я на ходу.

Белые не сделали по мне ни одного выстрела. По моему сигналу бойцы Михайлова и Платонова двинулись навстречу друг другу, повторяя те же слова, что говорил я. Человек шесть — восемь продолжали маневрировать на обоих концах улицы, создавая видимость окружения села. Перепуганные солдаты охраны выскакивали из хат, не зная, что делать.

— Вы окружены! — кричали им разведчики. — Складывайте оружие на подводы!

Некоторые офицеры пытались приостановить сдачу оружия и приказывали подчиненным стрелять по разведчикам. Но солдаты не слушались их. Буденновцы действовали расторопно: наблюдали за сдачей оружия, поодаль выстраивали пленных, зорко следили за обстановкой.

Вскоре все было закончено. Через полчаса взвод Михайлова конвоировал обоз с оружием и другим имуществом, а Платонов вел со своими разведчиками колонну пленных.

В Степановку мы вернулись с богатой добычей. Несмотря на сумерки, местные жители не расходились по домам, восхищаясь боевой удачей буденновцев.

— Лихие ребята!

— Что и говорить! Гляди, сколько беляков привели!

— А обоз-то, обоз какой! — слышались удивленные голоса.

— Недаром о них слава летит быстрее конницы!

Ко мне подошли те шахтеры, которые посоветовали догнать обоз противника.

— Ну как, товарищ командир, удался поход? — весело спросили они.

— Спасибо вам, друзья, за добрый совет, — поблагодарил я их. — Как видите, все обошлось благополучно.

Долго еще продолжался теплый, душевный разговор. Только к полуночи утомилось село. Легли отдыхать и разведчики, которым снова завтра предстоял большой поход.

3

После решающего сражения Первой Конной совместно с частями и соединениями 10-й армии против крупнейшей группировки противника у станции Егорлыкской бои по своим масштабам стали заметно мельче. У большинства белогвардейских частей боевой дух был сломлен. Но считать, что с деникинской контрреволюцией, с ее главными силами уже все покончено, было еще рано. Деникин надеялся на восстановление боевого духа своих войск, на возрождение их боевой мощи. Он рассчитывал задержаться на рубежах рек Кубань, Лаба, Белая, «отсидеться, пока не сойдут маразм и уныние с людей, потрясенных роковыми событиями».

Продвигаясь вперед, к побережью Черного моря, мы продолжали вести бои с сопротивлявшимися белыми еще и в середине, и даже во второй половине марта 1920 года. Так, например, 16 марта на подступах к станции Усть-Лабинской главные силы 6-й кавалерийской дивизии столкнулись с белогвардейским конным корпусом князя Султан-Гирея, который насчитывал около пяти тысяч сабель.

В первом эшелоне нашей дивизии шли 1-я и 3-я бригады, а бригада И. Р. Апанасенко двигалась во втором. Командование считало, что наиболее уязвимым является наш правый фланг, потому что с этой стороны находился город Екатеринодар (ныне Краснодар), занятый непри-

телем. Именно оттуда могли последовать контрудар или нападение вражеских бронепоездов.

Наблюдение за правым флангом дивизии и его обеспечение было возложено на 2-ю бригаду. Апанасенко приказал мне выдвинуться с командой разведчиков к железнодорожной станции и западной окраине станицы Усть-Лабинской.

— Тщательно следите за противником, — посоветовал комбриг. — О подходе его сил или бронепоездов немедленно донесите мне: надо как следует встретить белых. При встрече с мелкими подразделениями врага можете действовать самостоятельно.

В назначенный район мы прибыли во второй половине дня. Не дойдя до станицы километра два, мы увидели перед собой значительно превосходившую нас по численности конную группу белых. Я остановил команду. Что делать?

— Давайте атакуем беляков с ходу! — сказал Степан Тараканов, начальник команды разведчиков 33-го полка.

Его поддержал командир взвода Григорий Лоцина:

— Ребята настроены по-боевому и просили передать вам их просьбу: рвутся в атаку!

— А что вы думаете по этому вопросу, товарищ Вейш? — обратился я к начальнику разведкоманды 34-го полка, очень уважаемому бойцами, мужественному и рассудительному человеку.

Понимая настроение большинства командиров и рядовых конников, Вейш улыбнулся и ответил:

— Почему такая демократия в конце войны? Я за то, как решит старший начальник. В общем, согласен атаковать белых.

Тем временем от группы противника отделились два всадника и направились в станицу.

— Что-то задумали, гады, — проговорил Тараканов.

— Пока не поздно, — заметил Лоцина, — надо идти в атаку.

Да, личному составу команды хотелось как можно скорее очистить Кубань от белогвардейцев, втянувших ее в омут контрреволюции. Отважные командиры-кубанцы тоже горели нетерпением сразиться с неприятелем. Но одно дело — боевой порыв, другое — трезвый расчет. Мы могли нанести по врагу только фронтальный удар. Зайти

белым во фланг у них на виду не представлялось возможным, потому что они сами могли контратаковать разведчиков или в крайнем случае отойти в Усть-Лабинскую. Атака же с фронта могла окончиться для нас большими потерями. Кроме того, преследуя противника, можно нарваться на другие его силы, пока что неизвестные нам. Недаром же в станицу поскакали два связанных белоказака.

Обо всем этом я рассказал своим боевым друзьям. Эти доводы для Тараканова, в прошлом бывшего политура, оказались неубедительными. Он возразил:

— Но ведь белые морально очень сильно надломлены!

— Э, друже, — отозвался Вейш, видимо понявший, что я не намерен без надобности рисковать: мы разведчики, и бой для нас — не главная задача, — раненый зверь часто бывает очень страшен.

Взвесив все шансы, я объявил свое решение:

— С атакой давайте повременим.

В этот день дежурной была команда 33-го полка. Она выделила три боевых разезда, которые получили задачу окольными путями проникнуть в станицу и выяснить обстановку: если там есть противник, установить его состав, боевые средства, захватить пленных.

Разезды отправились выполнять задание. С чем они возвратятся? Этот вопрос волновал всех разведчиков.

Ожидание длилось не долго. Меньше чем через час разведчики доставили пленного. Сопровождавшие его конвоиры передали мне просьбу наших разездов: пленного допросить на месте, оставить в команде и передать его им на поруки.

Просьба такого рода со стороны бойцов была первой, поэтому пленный сразу заинтересовал меня. Это был семнадцатилетний юноша из трудовых кубанских казаков. Насильно мобилизованный белыми, он с 1 марта служил в 9-й бригаде конного корпуса Султан-Гирея. Григорий, так звали парня, дал нам правдивые и ценные показания о противнике. А потом со слезами на глазах спросил:

— Меня расстреляют?

Я ответил:

— Нет, зачислим в нашу команду. Будешь воевать против белых?

Он ответил, что будет. Я поздравил его с зачислением в Красную Армию. Григорий загорелся радостным вол-

неизм. Наши бойцы дали ему новую фамилию — Казачок.

Гриша Казачок оказался хорошим, компанейским парнем. Он был самым молодым разведчиком в нашей команде. За молодость, хваткую удаль, за веселую игру на баяне разведчики очень полюбили его. И на Польский фронт он шел уже как полноценный разведчик Первой Конной армии.

Из личного наблюдения боевых разъездов и показаний пленного нам стало ясно, что основные силы находившейся в Усть-Лабинской 9-й бригады конного корпуса Султан-Гирея недавно ушли в направлении Кирпильского поселка. Учтя эту обстановку, я решил атаковать оставшуюся конную группу белых.

Несмотря на численное превосходство, противник не принял нашей атаки и стал быстро уходить в станицу, чтобы спастись от губительного огня. Но, попав на глухую уллицу, упиравшуюся в реку Кубань, белые в безумном страхе остановились на ее крутом берегу.

— Никого не трогать! Белые сдаются, — крикнул я своим разведчикам.

Белоказачки начали слезать с коней и складывать в сторону шапки, огнестрельное оружие.

Пленные были построены на улице одним из их урядников в две шеренги. Я крикнул им:

— Слушай мою команду! — Они сразу по-строевому подтянулись. — По порядку рассчитайся!

Насчиталось двести тридцать человек. Офицеры и несколько нижних чинов во время нашей атаки бросились в Кубань. Но, не доплыв до противоположного берега, погибли в ее холодных волнах.

В этот день вечером нам стало известно, что в районе Кирпильского поселка наша 6-я кавалерийская дивизия разгромила весь конный корпус князя Султан-Гирея. Разгромлена была и 9-я бригада, к которой принадлежали сдавшиеся нам белоказачки.

Команда разведчиков продолжала свой победный путь к берегам Черного моря.

В КАВКАЗСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ

Года два назад мне случайно пришлось присутствовать при разговоре одного из литераторов с активным участником гражданской войны, в прошлом кавалеристом.

Литератор спросил ветерана, не приходилось ли ему встречаться на фронтах гражданской войны с дикой кавалерийской дивизией Гая. Ветеран ответил, что такого соединения не встречал и не мог встретить, так как диких дивизий в Красной Армии не было и не могло быть по самой природе армии.

Прислушавшись к этой беседе, я сказал, что такое соединение в Красной Армии существовало, что называлось оно 1-й Красной Кавказской дикой кавалерийской дивизией, специально созданной для борьбы на денкинском фронте. Организатором и первым командиром ее был Г. Д. Гай, один из ярких и своеобразных военачальников периода гражданской войны.

Зимой 1919/20 года я служил в этой дивизии в качестве комиссара конно-артиллерийского дивизиона, который был единственной артиллерийской частью в соединении. Поскольку штаб дивизии и управление дивизиона, как правило, были всегда вместе, мне часто приходилось видеть Гая, работать с ним. Более того, мы были с ним в хороших, товарищеских отношениях.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Г. Д. Гай и я были сначала адъютантами, затем преподавателями Военной академии имени М. В. Фрунзе и не раз вспоминали дикую дивизию. В середине тридцатых годов мне пришлось быть начальником военно-исторического факультета, а Г. Д. Гай стал возглавлять кафедру истории военного искусства в Военно-воздушной академии, и мы имели уже ряд бесед по военно-историческим вопросам, ка-